Ссылка для цитирования этой статьи:

Ступина С.А., Литвинов Р.В., Малышенко В.А. К вопросу о трансформации правового положения домашних животных в гражданском праве // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 4. С. 36. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_4/Stupina.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-4a-36.

УДК 347.12

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Ступина Светлана Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной экспертизы
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
г. Железногорск, Российская Федерация

Литвинов Роман Викторович
преподаватель кафедры судебной экспертизы,
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
г. Железногорск, Российская Федерация

Малышенко Виктория Александровна
преподаватель кафедры судебной экспертизы,
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
г. Железногорск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена комплексному теоретико-правовому осмыслению трансформации гражданско-правового положения домашних животных в системе объектов гражданских прав Российской Федерации, обусловленной формированием новой правоприменительной парадигмы после принятия Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2022 г. № 15-КГ22-1-К1, допустившего компенсацию морального вреда при гибели домашнего животного. Авторы исходит из тезиса о наличии системного внутреннего противоречия действующего гражданско-правового регулирования, выражающегося в коллизии между формально-юридической квалификацией животного как имущества и фактическим объемом правовой защиты, предоставляемой его владельцу, в том числе в части признания нематериальных интересов, не вытекающих из вещно-правового режима.

В качестве теоретического основания для переосмысления правового положения домашнего животного предложена и обоснована авторская конструкция «фидуциарной

правовой связи», смещающая аналитический фокус с характеристик объекта или субъекта правоотношения на сущность самой правовой связи между владельцем и животным, опосредованной обязанностью заботы, доверительностью и нематериальной составляющей. При этом аргументируется тезис о необходимости трансформации способов гражданско-правового регулирования содержания домашних животных – от общедозволительной модели, исторически свойственной режиму вещей, к модели, основанной на обязывании как системообразующем способе правового воздействия, из которого производны запреты, ограниченное дозволение, рекомендации и поощрение.

Ключевые слова: животные, домашние животные, объекты гражданских прав, моральный вред, компенсация морального вреда.

Введение

Как справедливо констатирует профессор Е.А. Рыбалка, «одним из «проблемных» вопросов учений об объектах гражданских прав является учение о животных как объектах гражданских прав» [1, с. 163]. Данная констатация находит отклик и в трудах других специалистов: в настоящее время закрепление правового положения животных как объекта гражданских прав носит фрагментарный характер, что препятствует не только общему развитию институтов гражданского права, но и надлежащей защите самих животных [2], [3].

В современной правоприменительной практике, прежде всего после Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 июня 2022 г. № 15-КГ22-1-К1[1], произошел качественный сдвиг в понимании правовых последствий гибели домашнего животного, что определило постановку вопроса о системном внутреннем противоречие между формальным статусом животного как имущества и реальным объемом правовой защиты, предоставляемой его владельцу, что требует доктринального осмысления и выработки новых теоретических конструкций.

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.06.2022 № 15-КГ22-1-К1 (УИД 13RS0025-01-2020-002487-73). URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21062022-n-15-kg22-1-k1/ (дата обращения: 12.04.2026).

Материалы и методы

Нормативную базу исследования составили, прежде всего, нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 128, 137, 151, 221, 230-232, 241) [2], Гражданского процессуального кодекса РФ (ст. 446)[3], Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ст. 107) [4], положения Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5].

Ключевой нормой, определяющим правовой режим животных выступает ст. 137 Гражданского кодекса РФ, распространяющая на животных общий правовой режим имущества. Наряду с данной нормой гражданско-правовое регулирование обеспечивается комплексом взаимосвязанных положений: ст. 128 ГК РФ, согласно которой животные включены в перечень объектов гражданских прав через категорию «вещи»; ст. 221 ГК РФ, закрепляющей понятия «вещь» и «животное» как неравнозначные («…сбор или добыча других общедоступных вещей и животных»); ст. 230-232 ГК РФ, регулирующими правоотношения по поводу безнадзорных животных с установлением порядка их задержания, приобретения права собственности и возврата прежнему собственнику; ст. 241 ГК РФ, предусматривающей принудительный выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении, что подчеркивает «одушевленность» данного объекта [4].

Существующая нормативная конструкция порождает в цивилистической доктрине и судебной практике комплекс дискуссионных проблем, связанных с определение животных в системе объектов гражданских прав, установлением границ вещно-правового режима, деликтной ответственностью за вред, причиненный животными, а также защитой нематериальных интересов их владельцев.

Актуально и то, что, как отмечают Д.Б. Горохов и Ю.В. Горохова, по объективным причинам сложно выбрать и способ правового регулирования общественных отношений, объектами которых выступают животные (запрещение, дозволение, обязание, рекомендации, поощрение и проч.) [5, с. 23]. Этот тезис поддерживают и другие специалисты [6, с. 416].

---

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. (Далее – ГК РФ).

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[4] Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

[5] Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8424. (Далее – ФЗ № 498-Ф).

Соответственно объективная невозможность выбрать адекватный способ правового воздействия – это не аргумент против регулирования, а, напротив, главный довод в пользу того, что необходимо сначала определить статус животного как особого объекта, а уже затем выстраивать дифференцированную систему регулирования для различных групп животных.

В настоящее время выбор конкретного способа для каждой ситуации остается произвольным, поскольку: если признать, что животное – вещь, то достаточно общедозволительного режима: разрешено все, что не запрещено (как с любым имуществом). Если же определить животное, как существо, способное испытывать страдания (как закрепил ФЗ № 498-ФЗ), то нужен разрешительный режим с преобладанием обязывания и запретов.

Показательно, что в январе 2026 года Госдума только рассматривает законопроект об обязательной регистрации и маркировке домашних животных[6] – то есть переход от дозволения к обязыванию в этом базовом вопросе занял более 7 лет после принятия закона.

Минприроды прямо признавало, что в отношении животных без владельцев целесообразно «заменить порядок правового регулирования с предписательного на ограничительный», предоставив регионам самим выбирать сочетание методов[7].

И.А. Васнин и Е.С. Недосекова обоснованно указывают, что положение животных в Российской Федерации регулируется гражданской и экологической отраслями права [7].

При этом «положения гражданского законодательства об имуществе применяются к животным, которые изъяты из естественной среды обитания, однако нормы гражданского законодательства в данной области применятся с учетом положений ФЗ РФ «О животном мире»» [8, с. 82].

Д.Е. Захаров убедительно аргументирует, что «сопоставление признаков объектов животного мира и животных, к таким объектам не относящихся, с признаками объекта гражданских прав свидетельствует о том, что положительно ответить на вопрос о возможности признания объектом гражданских прав можно лишь применительно к домашним, сельскохозяйственным, диким в состоянии неволи животным» [9, с. 14].

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в статью 4.1 Закона Российской Федерации «О ветеринарии» (в части учета и маркирования домашних животных): Законопроект № 1026525-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1026525-8 (дата обращения: 12.04.2026).

[7] Минприроды России подготовлен законопроект по вопросам ответственного обращения с животными. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/minprirody_rossii_podgotovlen_zakonoproekt_po_voprosam_otvetstvennogo_obrashcheniya_s_zhivotnymi/ (дата обращения: 12.04.2026).

Существенное значение для регулирования рассматриваемых отношений имеют положения ФЗ № 498-ФЗ, которым введены легальные дефиниции понятий «домашние животные» и «жестокое обращение с животным».

Отдельно необходимо отметить и то, что, например, Федеральным законом от 30.04.2021 № 106-ФЗ[8] домашние животные в ст. 446 ГПК РФ были выделены в отдельный объект в рамках имущество, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам.

В Федеральном законе от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» в ч. 2 ст. 107 указано, что исполнение требования о выселении или об освобождении нежилого помещения включает в том числе освобождение помещения, не только от имущества, но и от домашних животных.

Методологическую основу настоящего исследования составили: формально-юридический метод – для анализа нормативного содержания соответствующих статей ГК РФ и соотношения ст. 137 и ст. 151 ГК РФ; сравнительно-правовой и доктринально-сопоставительный методы – для систематизации доктринальных позиций; казуальный метод – для оценки динамики судебной практики по компенсации морального вреда при гибели домашнего животного до и после Определения ВС РФ от 21.06.2022 № 15-КГ22-1-К1; метод правового моделирования – для конструирования и обоснования авторской категории «фидуциарная правовая связь» как теоретического основания для переосмысления правового положения домашнего животного.

Теоретической основой послужили доктринальные работы отечественных цивилистов, систематизированные в четыре подхода к определению статуса животных: «вещь особого рода», «самостоятельный объект гражданских прав», «иное имущество» и прагматический вещно-правовой подход.

Результаты и обсуждения

Поскольку дальше умолчания законодатель не пошел и в ГК РФ «животные прямо не названы ни вещью, ни имуществом» [10] в российской цивилистической науке сложились следующие основные теоретические направления определения животных в системе объектов гражданских прав.

[8] О внесении изменения в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.2021 № 106-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 18. Ст. 3050.

Во-первых, это определение животного как «вещи особого рода». Д.Е. Захаров определяет животное как «движимую, неделимую, непотребляемую вещь, обладающую в гражданском обороте качеством товарности, характеризующуюся способностью испытывать негативные болевые ощущения от внешних раздражителей, а также возможностью в результате «вещественной трансформации» переходить из одного качественного состояния в другое» – биологическая гибель приводит к уничтожению одушевленной и появлению неодушевленной вещи [11, с. 8]. Н.А. Шебанова определяла, что «с юридической точки зрения животные рассматриваются как неделимые вещи, а их совокупность может считаться сложной вещью» [12, с. 402], [13, с. 104].

Во-вторых, рядом специалистов животное рассматривается, как самостоятельный объект гражданских прав. Е.Ф. Евсеев утверждает, что животные не относятся ни к вещам, ни к их особой разновидности, а представляют собой самостоятельный объект гражданских прав [14, с. 26]. Близкую позицию занимает Е.А. Рыбалка: «Животные относятся к живым существам, и поэтому их недопустимо отождествлять с объектами гражданско-правовых отношений, которые к живым существам не относятся, поскольку правовое регулирование в отношении живых существ должно существенно отличаться от правового регулирования отношений, в которых в качестве объекта они не выступают» [1, с. 163].

В-третьих, существует понимание животного, как «иного имущества». А.Н. Пузевич аргументирует, что при определении места животных в классификации объектов гражданских прав их следует относить к категории иного имущества, а не вещей, поскольку «имя выделяет животного, придавая ему особую значимость по сравнению с другими, закрепленными в Гражданском кодексе видами имущества» [15, с. 78].

В-четвертых, имеет место и прагматический вещно-правовой подход к определению места животных в рамках гражданско-правового регулирования. А.Н. Латыев настаивает на предпочтительности признания животных именно вещами, ссылаясь на незначительное количество изъятий из общего вещно-правового режима и необходимость сохранения четкости определения вещи как центральной категории гражданского права [16, с. 27-28].

Не претендуя на исчерпывающее освещение всех доктринальных позиций по определению правового положения животных, а также различий такового в зависимости от вида и принадлежности животного, считаем целесообразным обратиться к более узкой, но методологически значимой проблематике – вопросам компенсации морального вреда при гибели домашнего животного. Полагаем, что именно анализ данного правоприменительного аспекта способен оказать определяющее влияние на доктринальное переосмысление статуса животного в системе гражданско-правового регулирования.

До 2022 года в российской судебной практике сосуществовали два диаметрально противоположных подхода к вопросу о допустимости компенсации морального вреда при гибели домашнего животного.

«Имущественный» подход предполагал отказ в компенсации, поскольку суды исходили из того, что животные есть имущество (ст. 137 ГК РФ), а ст. 151 ГК РФ допускает компенсацию морального вреда при нарушении имущественных прав лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. Поскольку специального указания для случаев гибели животных законодатель не установил, моральный вред взысканию не подлежал. Данный подход нашел отражение, в частности, в Апелляционном определении Суда Чукотского автономного округа от 23.05.2019 по делу № 33-63/2019[9].

Е.Н. Михайловская, придерживающаяся данного подхода, настаивает на том, что «ввиду того, что законодатель апеллирует к термину «имущество», постановка и развитие идеи о возможности компенсации морального вреда владельцу погибшего животного видится абсурдной: ни одна из норм Гражданского кодекса РФ не предусматривает компенсации морального вреда в результате гибели домашнего животного» [17, с. 357]. По мнению С.К. Соломина и Н.Г. Соломиной, собака «при всех своих качествах одушевленной вещи, остается вещью, а значит, и вопросы имущественного возмещения должны решаться не через призму нарушения личных прав, но через призму причинения вреда имуществу» [18, с. 270].

«Нравственно-ориентированный» подход допускал компенсацию, однако, как отмечали специалисты, практика была «в основном отрицательная»; единственной категорией дел с долей положительных решений являлись споры о защите прав потребителей, где питомец рассматривался как некачественный товар[10].

Принципиальной для всей правоприменительной практики и широко обсуждаемой среди специалистов [7], [17], [18] стала позиция Верховного Суда РФ, выраженная в Определении ВС РФ от 21 июня 2022 г. № 15-КГ22-1-К1. ВС РФ указал: «Применение законодателем по отношению к животным таких категорий, как жестокость, нравственность, гуманизм, свидетельствует о том, что при определенных обстоятельствах гибель животных может причинять их владельцу не только имущественный вред, но и нравственные страдания, в частности в силу эмоциональной привязанности, психологической зависимости,

[9] Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 23.05.2019 по делу № 33-63/2019. URL: https://actofact.ru/case-87OS0000-33-63-2019-2019-04-22-0-1/ (дата обращения: 12.04.2026).
[10] Компенсировать моральный вред из-за утраты питомца – можно ли. URL: https://pravo.ru/story/242255/ (дата обращения: 12.03.2026); Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 09.01.2018 по делу № 33-12630/2017. URL: https://actofact.ru/case-54OS0000-33-217-2018-33-12630-2017-2017-12-01-0-1/ (дата обращения: 12.04.2026).

потребности в общении по отношению к конкретному животному». Суд признал выводы нижестоящих инстанций об отказе в компенсации морального вреда основанными на неправильном толковании норм материального права.

После включения данной правовой позиции в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023), утвержденный Президиумом ВС РФ 19.07.2023[11], суды стали последовательно удовлетворять требования о компенсации морального вреда при гибели домашних животных. Верховный Суд, как отмечала «Российская газета», «поставил точку в многолетних спорах: вправе ли владельцы домашних питомцев получать компенсации морального вреда за гибель любимцев»[12].

Устойчивость данной правоприменительной тенденции подтверждается последующей практикой: Первый кассационный суд общей юрисдикции указал, что при наличии эмоциональной привязанности гибель домашнего животного может причинить владельцу нравственные страдания, подлежащие компенсации[13].

Практика компенсации морального вреда при гибели домашнего животного, сформированная Определением ВС РФ от 21 июня 2022 г. № 15-КГ22-1-К1, обнажает системное внутреннее противоречие действующего законодательства.

Подобная трансформация позиции правоприменителя по отношению к животным отражает объективный процесс развития правосознания, в котором эмоциональная связь человека с домашним животным получает все большее социальное и правовое признание.

Как отмечает А. Шишкина, в судебной практике регионов находит отражение подход, основанный на признании необходимости сострадания и гуманного обращения с животными [19].

С учетом вышеизложенного представляется своевременным постановка вопроса о трансформации правового положения домашнего животного, основанного на введении в цивилистический категориальный аппарат конструкции «фидуциарной правовой связи», обоснованность которого состоит в том, что в настоящее время ни один из существующих доктринальных подходов – ни «вещь особого рода», ни «самостоятельный объект», ни «иное имущество», ни прагматический вещно-правовой подход – не объясняет, почему именно гибель домашнего животного порождает нравственные страдания владельца, тогда как гибель

[11] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 11.
[12] Верховный суд разрешил требовать компенсацию за гибель питомцев // Российская газета. 23.08.2023. URL: https://rg.ru/2023/08/24/kot-v-cene.html (дата обращения: 12.04.2026).
[13] Суд признал нравственные страдания поводом для компенсации за гибель питомца // РАПСИ. 04.07.2025. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250704/311004077.html (дата обращения: 12.04.2026).

(уничтожение) иных объектов, обладающих сопоставимой или даже значительно большей имущественной стоимостью (автомобиль, ювелирное изделие, фамильная реликвия), такого правового последствия не влечет. Верховный Суд РФ указал на «эмоциональную привязанность, психологическую зависимость, потребность в общении» как на факторы, обусловливающие нравственные страдания, однако не раскрыл юридическую природу данных факторов – являются ли они свойством объекта (животного), свойством субъекта (владельца) или свойством правоотношения между ними.

Полагаем, что юридически релевантным является именно третий элемент – особый характер правовой связи между владельцем и домашним животным, который предлагаем обозначить как «фидуциарную правовую связь». Данная конструкция обладает следующими сущностными характеристиками.

Введение конструкции фидуциарной правовой связи с домашним животным позволяет по-иному взглянуть и статус животного, и способы регулирования обращения с ним.

Если следовать широкому пониманию фидуциарности, то статус животного автоматически смещается от «обычной вещи» к «объекту фидуциарной заботы» и животное перестает быть свободно распоряжаемым имуществом – владелец не может обращаться с ним произвольно, а обязан действовать с учетом интересов самого животного (аналог обязанности фидуциария действовать в чужом интересе). Это прямо корреспондирует ст. 137 ГК РФ о запрете жестокого обращения и ст. 241 ГК РФ о принудительном выкупе при ненадлежащем обращении. Кроме этого, при таком подходе животное юридически обособляется от иных вещей – не каждая вещь порождает фидуциарную обязанность, а только такой объект, который способен к взаимодействию и страданию. Это дает основание для выделения животных в ст. 128 ГК РФ как самостоятельной категории. Гибель же животного квалифицируется не как уничтожение имущества, а как нарушение фидуциарной связи третьим лицом, посягающее на нематериальное благо владельца – что снимает противоречие со ст. 151 ГК РФ.

Если владение домашним животным расценивать как право, обремененное фидуциарной обязанностью заботы, то обязывание становится не одним из многих, а центральным, системообразующим способом регулирования. Владелец обязан обеспечить надлежащие условия содержания, ветеринарную помощь, безопасность и эмоциональное благополучие животного – не потому, что это предписано отдельными нормами специального закона, а потому, что таков общий стандарт поведения фидуциария.

Из этого базового обязывания логически производны все остальные способы. Запреты приобретают не перечневый, а функциональный характер: запрещается все, что противоречит интересам животного как объекта фидуциарной заботы, независимо от того,

включено ли конкретное действие в нормативный перечень. Дозволение из общего правила превращается в ограниченное: владелец свободен в выборе способов содержания лишь в пределах, не нарушающих фидуциарный стандарт. Рекомендации получают нормативную опору – они конкретизируют содержание фидуциарной обязанности применительно к отдельным видам животных. Поощрение становится инструментом стимулирования добросовестного исполнения фидуциарных обязанностей (например, налоговые льготы для владельцев, обеспечивающих содержание животных-компаньонов для лиц с ограниченными возможностями здоровья).

Выводы

Таким образом, животное перестает быть «чистой» вещью. Если гибель вещи по общему правилу порождает только имущественный вред, а гибель животного – еще и нравственные страдания, значит, животное порождает правовые последствия, нехарактерные для вещи.

Практика компенсации морального вреда при гибели животного выступает индикатором и катализатором эволюции положения животных в системе объектов гражданских прав. Она демонстрирует, что действующая модель ст. 137 ГК РФ по отношению к животным исчерпала свой регулятивный потенциал. Каждое новое решение, взыскивающее моральный вред за гибель питомца, усиливает аргументацию в пользу законодательного закрепления животных как особого объекта гражданских прав, обладающего собственным правовым режимом, несводимым к режиму вещей. Вопрос лишь в том, пойдет ли законодатель по пути прямого изменения ст. 128 и 137 ГК РФ или эта трансформация продолжит происходить через судебное толкование.

Список литературы

1. Рыбалка Е.А. Животные в системе объектов гражданских прав // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 162-164.
2. Рубежная Л.Л., А.В. Шуваев Актуальные проблемы правового регулирования животных как объектов гражданских прав // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2-3(116). С. 52-55.
3. Тхай В.Р. Актуальные проблемы правового регулирования животных как объектов гражданских прав в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 142-147.

4. Штенпрес К.А. Животные как объекты гражданских прав // Актуальные исследования. 2023. № 41-2(171). С. 52-54. URL: https://apni.ru/article/7153-zhivotnie-kak-obekti-grazhdanskikh-prav (дата обращения: 12.04.2026).

5. Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Проблемы правового регулирования отношений по содержанию, использованию и охране животных, не относящихся к объектам животного мира // Законодательство и экономика. 2015. № 3. С. 22-41.

6. Анисимов А.П. Правовой режим животных без владельца (бродячих животных) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, № 4. С. 415-421.

7. Васнин И.А., Недосекова Е.С. Особенности правового положения животных в Российской Федерации // Гражданское право. 2025. № 5. С. 18-20 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Тычинин С.В., Королёва Е.В. Животные в системе объектов гражданских прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 81-85.

9. Захаров Д.Е. Животные как объекты гражданских прав: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 98 с.

10. Ганева Е.О., Филатова У.Б. Животные как объекты гражданских прав: правовой режим лабораторных животных в России и за рубежом // Гражданское право. 2022. № 6. С. 23-26 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Захаров Д.Е. Животные как объекты гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.

12. Шебанова Н.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 3 т. Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт, 2004. Т. 1.

13. Алиев Р.И. Юридические особенности животного как объекта гражданских прав // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 6. С. 103-109.

14. Евсеев Е.Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. № 2. С. 23-26.

15. Пузевич А.Н. Понятие и признаки животных как объекта гражданского права // Юридическая наука. 2011. № 4. С. 77-78.

16. Латыев А.Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2004. 211 с.

17. Михайловская Е.Н. Компенсация морального вреда в результате гибели домашнего животного: конфликт теории и практики // Law Afterknown: право за гранью обыденного: Материалы IV Международного молодежного юридического форума, Тюмень, 15-17 мая 2025 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. С. 356-362.

18. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Нематериальные блага в правовом механизме компенсации морального вреда // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 265-273.

19. Шишкина, А. Правовое положение животных в России // Жилищное право. 2023. № 1. С. 61-68 // СПС «КонсультантПлюс».

ON THE TRANSFORMATION OF THE LEGAL POSITION OF PETS IN CIVIL LAW

Stupina Svetlana Alexandrovna
Ph.D. in Law, docent, Associate Professor of the Department of Forensic Examination,
Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia
Zheleznogorsk, Russian Federation
Litvinov Roman Viktorovich
Lecturer of the Department of Forensic Examination,
Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia
Zheleznogorsk, Russian Federation
Malyshenko Victoria Alexandrovna
Lecturer of the Department of Forensic Examination,
Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia
Zheleznogorsk, Russian Federation

Abstract. This article offers a comprehensive theoretical and legal analysis of the transformation in the civil-law status of pets within the Russian Federation's system of objects of civil rights. This shift has been driven by the emergence of a new paradigm in legal practice, following the June 21, 2022, ruling by the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation (Case No. 15-KG22-1-K1), which allowed for compensation for non-pecuniary (moral) damage in the event of a pet's death. The authors argue that there is an inherent, systemic contradiction in current civil-law regulation: a conflict between the formal legal classification of an animal as "property" and the actual scope of legal protection afforded to its owner—specifically regarding the recognition of non-material interests that do not derive from a property-rights regime.

As a theoretical basis for rethinking the legal status of pets, the authors propose and substantiate the concept of a "fiduciary legal bond." This approach shifts the analytical focus away from the characteristics of the object or subject of a legal relationship and toward the essence of the legal bond itself—a bond between owner and pet defined by a duty of care, a relationship of trust, and a non-material dimension. Furthermore, the authors contend that the methods used to regulate the keeping of pets under civil law must evolve: moving away from the "permissive" model—historically associated with the legal regime for inanimate property—toward a model centered on "imposition of duties" as the primary mechanism of legal regulation, from which specific prohibitions, limited permissions, recommendations, and incentives are derived.

Key words: animals, pets, objects of civil rights, moral harm, compensation for moral harm.

©Ступина С.А., Литвинов Р.В., Малышенко В.А. DOI 10.46320/2073-4506-2026-4a-36

References

1. Rybalka E.A. Animals in the system of objects of civil rights // Gaps in Russian legislation. 2018. № 3. P. 162-164.
2. Rubezhnaya L.L., A.V. Shuvaev Actual problems of legal regulation of animals as objects of civil rights // International Scientific Research Journal. 2022. № 2-3(116). P. 52-55.
3. Thai V.R. Actual problems of legal regulation of animals as objects of civil rights in the Russian Federation // Issues of Russian justice. 2023. № 26. P. 142-147.
4. Shtenpres K.A. Animals as objects of civil rights // Current research. 2023. № 41-2(171). P. 52-54. URL: https://apni.ru/article/7153-zhivotnie-kak-obekti-grazhdanskikh-prav (date of reference: 12.04.2026).
5. Gorokhov D.B., Gorokhova Yu.V. Problems of legal regulation of relations on the maintenance, use and protection of animals not related to objects of the animal world // Legislation and Economics. 2015. № 3. P. 22-41.
6. Anisimov A.P. The legal regime of animals without an owner (stray animals) // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2019. Vol. 19, № 4. P. 415-421.
7. Vasnin I.A., Nedosekova E.S. Features of the legal status of animals in the Russian Federation // Civil Law. 2025. № 5. P. 18-20 // SPS «ConsultantPlus».
8. Tychinin S.V., Koroleva E.V. Animals in the system of objects of civil rights // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (85). P. 81-85.
9. Zakharov D.E. Animals as objects of civil rights: a textbook. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2020. 98 p.
10. Ganeva E.O., Filatova U.B. Animals as objects of civil rights: the legal regime of laboratory animals in Russia and abroad // Civil law. 2022. № 6. P. 23-26 // SPS «ConsultantPlus».
11. Zakharov D.E. Animals as objects of civil rights: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences'. Yekaterinburg, 2010. 22 p.
12. Shebanova N.A. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation: in 3 volumes. Edited by T.E. Abova, A.Y. Kabalkin. Moscow: Yurait, 2004. Vol. 1.
13. Aliev R.I. Legal features of an animal as an object of civil rights // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2020. № 6. P. 103-109.
14. Evseev E.F. On the relationship between the concepts of «animal» and «thing» in civil law // Legislation and Economics. 2009. № 2. P. 23-26.
15. Puzevich A.N. The concept and characteristics of animals as an object of civil law // Legal Science. 2011. № 4. P. 77-78.
16. Latyev A.N. Property rights in civil law: the concept and features of the legal regime: dis. ... kand. jurid. sciences': 12.00.03. Yekaterinburg, 2004. 211 p.
17. Mikhailovskaya E.N. Compensation for moral damage resulting from the death of a pet: a conflict of theory and practice // Law Afterknown: law beyond the ordinary: Proceedings of the IV International Youth Legal Forum, Tyumen, May 15-17, 2025. Tyumen: TSU-Press, 2025. P. 356-362.
18. Solomin S.K., Solomina N.G. Intangible benefits in the legal mechanism of compensation for moral harm // Bulletin of Tomsk State University. 2024. № 503. P. 265-273.
19. Shishkina A. The legal status of animals in Russia // Housing law. 2023. № 1. P. 61-68 // SPS «ConsultantPlus».